

ТАТЬЯНА ЛЕЙКО

НАМ ЗЕМЛЯ
ОТКРЫВАЛА СВОЮ КРАСОТУ

* * *

А на белом свету
ты стоишь на мосту
через реку, широкую реку.
А как пожили мы да на белом свету,
не узнать ни варягу, ни греку.

Нам земля открывала свою красоту,
нам и ветер шумел издалёка.
А что делали мы да на этом свету,
мы и сами не знаем до срока.

Книгу жизни своей второпях перечту —
снова надо менять и меняться.
Но хочу я с тобою стоять на мосту
и безопасно, как в детстве, смеяться.

* * *

Глаза твои — синее, синее небо,
а волосы — мёд.
Кто делится ломтем духовного хлеба,
тот вечно живёт.

И ты остаёшься, как лик на иконе,
свет Божий храня.
На утреннем небе, на солнечном склоне,
в душе у меня.

ЗНАК ОГНЯ

Я знак Огня, и мне гореть
недаром суждено.
Пусть чью-то душу отогреть
я не сумею — но

я знак вселенского огня
над бездной роковой,
сиянье солнечного дня
над лунною травой.

Не потушить и не залить
ни кровью, ни слезой.
И лишь вконец испепелить
Небесною грозой.

Кому-то освещаю путь,
кому-то сердце жгу...
И это пламя не задуть
ни другу, ни врагу.

* * *

Кровавый боярышник падал с дождём вперемешку.
А жизнь всё равно продолжалась, как будто в насмешку.

Тяжёлая осень к асфальту меня придавила.
А ты и не видел, как я от тебя уходила.

Всё дальше и дальше, по времени, как по канату,
туда, где сплывает листва по небесному скату,

где вечность уже горизонты свои открывает,
где брезжит рассвет... и любовь о себе забывает.

* * *

Татьянин день — единственный в году.
Ты позови — и я к тебе приду.
Холодным ветром из-за дальних стран
перелечу я море-океан.

Коснусь тебя невидимым крылом.
Бывало время — шла я напролом.
Бывали годы — жили мы взахлёб.
Мы заблудились средь пропащих троп.

Мы потерялись меж ночных огней.
Не так уж много у Татьяны дней.
Лишь раз в году...

Когда горит зима
и светится в душе
таинственная тьма.

* * *

Ну, зачем же плакать, в самом деле?
Жизнь проходит... и совсем прошла.
Пили, пели,
Хорошо сидели...
И любили... всё сжигать дотла.

Не осталось даже серой пыли
там, где ветер дул, пускаясь в пляс.
Мы любили...
Потому любили,
что другого — не было у нас.

Только детство,
детство золотое.
Зимний вечер, окна в серебре...
Ну и пусть я ничего не стою,
как берёза на пустом дворе.

В ноябре, когда уже на дачах
только небо в голубом дыму...
Ничего, что ничего не значу,
всё отдав — неведомо кому.